

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по жалобе гражданина Соколова Алексея Вениаминовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»

город Санкт-Петербург

8 февраля 2011 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Ю.Д.Рудкина, Н.В.Селезнева, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

заслушав в пленарном заседании заключение судьи Ю.М.Данилова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина А.В.Соколова,

у с т а н о в и л :

1. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации гражданин А.В.Соколов оспаривает конституционность части второй статьи 20 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в соответствии с которой переписка подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, с родственниками и иными лицами

осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре; цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости – лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело.

По мнению заявителя, названные нормативные положения предусматривают не обусловленное конституционно значимыми целями правило о цензуре переписки подозреваемых и обвиняемых без получения на это предварительной судебной санкции, что противоречит статьям 15 (часть 4), 17 (часть 1), 21 (часть 1), 23, 55 и 56 Конституции Российской Федерации, а также статье 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Как указывается в жалобе, администрация следственных изоляторов, в которых А.В.Соколов содержался под стражей, неоднократно подвергала цензуре его корреспонденцию. Жалоба А.В.Соколова на вскрытие администрацией учреждения ИЗ-66/1 города Екатеринбурга письма, поступившего в его адрес от гражданки Б.Е.Пантелеевой, оставлена прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях без удовлетворения. В судебном порядке действия администрации заявителем не обжаловались.

2. Положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в части, регулирующей осуществление администрацией мест содержания под стражей цензуры переписки подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, со своими адвокатами (защитниками), были предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации в Постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П.

Основываясь на требованиях Конституции Российской Федерации, вытекающих в том числе из ее статей 23 и 48 о праве каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на получение квалифицированной юридической помощи и на помощь адвоката (защитника) с момента задержания или заключения под стражу,

общепризнанных принципах и нормах международного права, в частности статьях 14 и 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статьях 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека, Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу, что цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну или что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора либо носит какой-либо иной противоправный характер.

Признавая взаимосвязанные положения статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в их конституционно-правовом смысле в системе действующего правового регулирования не противоречащими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации исходил, в частности, из того, что право заключенного под стражу лица на конфиденциальный характер отношений со своим адвокатом (защитником) как неотъемлемая часть права на получение квалифицированной юридической помощи не является абсолютным, однако его ограничения допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указанных в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Именно в силу необходимости защиты названных конституционно значимых ценностей, недопущения искажения самого существа права заключенного под стражу лица на помощь адвоката (защитника), с одной стороны, и исключения возможных злоупотреблений этим правом – с другой, Конституционный Суд Российской Федерации признал цензуру переписки

такого лица со своим адвокатом (так называемой привилегированной переписки) допустимой при условии, что у администрации следственного изолятора имеются разумные основания предполагать злоупотребление правом на адвокатскую тайну или разумные подозрения относительно противоправного характера переписки.

Определяя границы возможного вмешательства в переписку лиц, содержащихся под стражей, со своими адвокатами (защитниками), Конституционный Суд Российской Федерации учитывал также позицию Европейского Суда по правам человека, указавшего в постановлении от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России», что в статье 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусматривается цензура всей корреспонденции подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, без разграничения категорий, например таких как личная переписка и переписка с адвокатом, и что такая форма цензуры, которая практически дает администрации следственного изолятора право на неизбирательный и постоянный контроль над их корреспонденцией, несовместима со статьей 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Выводы, к которым пришел Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П, применимы и к переписке лица, содержащегося под стражей, с другими, помимо адвоката, адресатами, за исключением указанных в части второй статьи 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которой не подлежат цензуре предложения, заявления и жалобы, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, в Европейский Суд по правам человека.

3. Целевое назначение регулирования отношений, возникающих по поводу цензуры корреспонденции обвиняемых и подозреваемых, содержащихся под стражей, как следует из статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» во взаимосвязи с положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в том числе частью первой его статьи 97 «Основания для избрания меры пресечения» и статьей 108 «Заключение под стражу», – предотвращение преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны, передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу.

Цензура переписки лиц, содержащихся под стражей, допустима, таким образом, при наличии обоснованных подозрений в том, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит противоправный характер, прежде всего в тех случаях, когда именно на необходимость исключить возможность воспрепятствования производству по уголовному делу со стороны подозреваемого или обвиняемого указывает суд в обоснование решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, тем более что такое решение уже само по себе влечет для лица, в отношении которого применяется данная мера пресечения, соответствующие ограничения. Что касается переписки, которая осуществляется с нарушением порядка, установленного Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и предусматривающего, что любая переписка подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, – как подлежащая, так и не подлежащая цензуре – осуществляется только через администрацию места содержания под стражей, то в случае выявления такого нарушения соответствующая корреспонденция безусловно должна подвергаться цензуре.

Аналогичной позиции придерживается Европейский Суд по правам человека при толковании применительно к цензуре корреспонденции указанных лиц положений статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающей ограничения со стороны публичных властей права на уважение личной жизни граждан, их корреспонденции, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, защиты прав и свобод других лиц (постановления от 25 марта 1983 года по делу «Силвер и другие (Silver and Others) против Соединенного Королевства», от 25 марта 1992 года по делу «Кэмпбелл (Campbell) против Соединенного Королевства», от 4 июля 2000 года по делу «Недбала (Niedbala) против Польши» и др.).

4. Таким образом, нормативные положения части второй статьи 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в истолковании, основанном на правовых позициях, ранее выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в сохраняющем свою силу Постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 6, пунктом 2 части первой статьи 43, частью четвертой статьи 71, частью первой статьи 79 и статьей 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л :

1. Признать жалобу гражданина Соколова Алексея Вениаминовича не подлежащей дальнейшему рассмотрению в заседании Конституционного Суда Российской Федерации, поскольку для разрешения поставленного заявителем вопроса не требуется вынесение предусмотренного статьей 71

Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» итогового решения в виде постановления.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 193-О-О